

Б. С. Илизаров¹

О СУДЬБОНОСНЫХ ДИАЛОГАХ С ПРОШЛЫМ (Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина)

1. О горизонтальных и вертикальных социокультурных диалогах

Все живые культурные сообщества (цивилизации) находятся в дальних или близких связях, в диалогах. Эти связи всегда благотворны, даже в том случае, когда предлагаемые ценности воспринимаются другой стороной как зло и уничтожаются. Данные связи осуществляются прямым или косвенным путем. Иногда такой диалог превращается в монолог: нет заимствования или отдачи. В древности и в средневековье все типы подобных связей существовали, но ограничивались ближайшими соседями. Со временем культурные контакты стали осуществляться более интенсивно и с более отдаленными культурами. Культурные диалоги осуществлялись и в отдаленной ретроспективе: открытие античных памятников и в особенности древневосточных культур позволило европейцам, а затем и всему миру вести сложные и глубокие диалоги не только по горизонтали, но и по нисходящей во времени вертикали. Со временем социальная память человечества приобретает все большую глубину и сложность — по мере проникновения в праисторию человечества, эпоху камня и еще более глубокие слои прошлого. Чужие древние культуры и их персонажи воспринимаются большинством современных людей чисто интеллектуально, почти без эмоций. Совсем по-другому ведется диалог с собственным прошлым.

Отметим, что глобализация не может рассматриваться только как срастание современных культур по горизонтали, она рассматривается и как освоение человечеством огромного разнообразия культур прошлого. Д. С. Лихачев постоянно это подчеркивал, особенно в своих блестящих устных выступлениях. Но в каждой культуре как прошлого, так и настоящего есть элементы, вызывающие отторжение, неприятие с точки зрения общечеловеческой морали. Какова судьба негативного опыта и как он соотносится с опытом положительным? Здесь впервые делается попытка рационально осмыслить проблему добра и зла — как части исторического и культурного наследия.

С прошлым надо разговаривать и даже вопрошать. Оно мстит не за то, что мы его искажаем, преувеличиваем или умаляем. Оно жестоко мстит за то, что его замалчивают. Обращение к прошлому,

к оценке давних деяний, распутывание тайн — одна из форм исповеди и покаяния, при этом исповедь может быть принята или нет. Когда она принимается, в обществе наступает момент разрядки, катарсиса, оно освобождается от тяжкого груза, даже омолаживается, получая способность двигаться дальше. А двигаясь без оглядки дальше, оно вновь приходит к очередному выбору добра и зла. Человеческая история — это не только история развития, накопления и обмена материальными и культурными ценностями, но и накопление и развитие доброго и злого.

2. История и проблема морали

С какого-то времени в европейской исторической науке мораль и история стали не совместимы. Может быть, со времен Никколо Макиавелли? Не думаю. Он только открыто высказал то, в чем и до него были убеждены все, а именно: во имя общего народного блага вождь имеет право выйти за границы добра, справедливости, порядочности. Макиавелли доказательно подал древний тезис — силой зла обережем слабость добра: свое государство, своих граждан, их покой, культуру. Такова инстинктивная реакция любого человека на опасность, боль, страх. А ведь государство может быть преступным, граждане развращенными, культура упавшей, «покой» — обеспеченным невинной кровью. В этом можно убедиться, заглянув в анналы древних историков. Они понимали, что человек в истории есть мнимый объект, если он выведен из поля добра и зла. Вспомним хотя бы библейские книги Царств, историю Маккавеев, труды историков Древнеримской империи периода упадка морали или Византии. Тем не менее общечеловеческая практика задолго до Макиавелли различала государственные и частные интересы и мораль. По этому принципу жили все: вожди и большинство политиков, военачальников, крепостных, рабов, патрициев и самураев — задолго до Макиавелли. Но, в отличие от Макиавелли, они были согласны и в том, что не только князя мира сего, но и обычные люди ради сбережения добра-справедливости имеют право и волю совершать зло: «око за око, зуб за зуб». Осознанно пользоваться услугами зла в благих целях стало обычной практикой именно для европейской культуры. Те общества, которые мы относим к культуре «Востока» в этом смысле всегда были менее ханжескими. Что же касается России, то в Новое время она все больше демонстрирует приверженность к европеизму.

Только Л. Н. Толстой в конце XIX века спохватился и, призывая образ Иисуса Христа, стал проповедовать непротивление злу насилием, уверяя, что неделанием можно обустроить человечество наилучшим образом. Толстой не дожил до того времени, когда в XX веке миллионы людей освоили и испы-

¹ Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор. Автор книг: «Тайная жизнь Сталина: по материалам его библиотеки и архива: к историософии сталинизма», «Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения», «Роль документальных памятников в общественном развитии: (теоретические вопросы использования архитектурных документов)», «Источниковедческие проблемы архивоведения: (методы измерения объемов письменной информации)», «Образ Сталина: взгляд из XXI века», «Слово воскрешает... или прецедент Лазаря». По материалам Народного архива» и др. Ряд книг переведен на иностранные языки.

тали на себе такую глубину насилия-зла, до которой человечество не смогло опуститься за все предыдущие тысячи лет. А между тем, не было бы сопротивление небывалому злу еще большим озлоблением и насилием — не избежали бы злой доли и те, кто не сопротивлялся.

Меня как историка озадачивает вопрос: откуда это всеобщее и, без сомнения, благодатное знание? Знание того, что считали злом и почему так считали различные категории граждан древнеавилонской, британской, российской и других старых и новых империй, республик, султанатов и княжеств? Исследовать состояние морали в различных государствах и культурах чрезвычайно важно, но я пока не знаком ни с одной научной работой на подобную тему. Разрыв между моралью личности и моралью «коллектива» наметился еще со времен древнейших проточеловеческих сообществ. С тех пор государство, как высшая форма организации совместного проживания, первоначально в целях самосохранения, принуждая граждан к сосуществованию (законности), рано или поздно поработило их, а во внешней жизни, по отношению к другим нациям и государствам, отрицало всякую мораль, что принималось как должное. Только древние пророки на примере библейской истории впервые показали теснейшую связь личной, общественной и государственной морали, неизменно отмечая доброе и злое в каждом отдельном человеке, народе, царстве как базовые причины подъема и упадка государства—общества—личности. На другом конце Земли люди совершенно иной культуры и религии (Конфуций, например, и другие мудрецы) пришли к тем же выводам. Пал древний Израиль, пало множество христианских и иноконфессиональных государств, перемешались народы, преобразилось до неузнаваемости большинство этнических типов, все более определяющей становится роль личностей в истории не только отдельных стран, но и всего мира. Именно поэтому, вслед за древними историками, я считаю, что если первопричиной очередного подъема в развитии государства является увеличение потенциала добра и падение заряда зла, то первопричина упадка любых государств заключена в критическом перенапряжении потенциала зла, ведущего к неизбежной общественной катастрофе.

Разумеется, у государства, как у некоей организации, нет и не может быть морали, но его постигают катаклизмы, когда катастрофически падает уровень морали у руководителей и граждан. Из работы в работу я с умыслом цитирую слова Н. А. Бердяева, написанные именно по этому поводу: «Произошел радикальный разрыв между моралью личной, особенно моралью евангельской, христианской, и моралью государственной, моралью царства, моралью практики «князя мира сего». То, что почиталось безнравственным для личности, почиталось вполне нравственным для государства. Государство всегда пользовалось дурными средствами, шпионажем, ложью, насилием, убийством, различия тут бывали лишь в степени. Никто не мог никогда толком объ-

яснить и оправдать, почему несомненные пороки и грехи для личности — гордость, самомнение, эгоизм, корыстолюбие, ненависть, кровожадность и насильничество, ложь и коварство — оказываются добродетелями и доблестью для государства и нации. Это есть самая большая ложь мировой истории»¹. Философ прав, двуличие — самая характерная черта большинства заметных государственных деятелей мировой истории, а они только люди, точнее каждый из них — всего лишь человек, пусть и обладающий большими полномочиями. Как и все люди, государственные деятели наделены достоинствами и поражены пороками, которые справедливо ассоциируются с пороками и достоинствами руководимого ими государства. Государство становится прогрессивным или преступным только в зависимости от того, какого характера поступки совершают (какую проводят политику) руководящие им вожди и подвластные люди. Нацистская Германия тому пример. Благодаря своим руководителям и потворствующим им гражданам государство может быть преступным, двуличным, эксплуататорским или социально сбалансированным, терпимым и даже мудрым. Двуличность советского государства заключалась в том, что его руководители обещали создать рай на земле, то есть построить социализм. Вл. С. Соловьев как будто предчувствовал подстерегающий союзественников великий соблазн. По словам С. Л. Франка, он, «критикуя учение Толстого, однажды точно подметил: хотя государство и не может создать рай на земле, но его назначение в том, чтобы предотвратить превращение ее [жизни. — Б. И.] в ад»².

Только в Новое время и только европейцы почти религиозно уверовали в бесконечный прогресс человечества, рассматривая все погибшие цивилизации как восходящие ступени, ведущие от варварства к вершине современного европейского мира. Ж. Кондорсе и Г. Гегель каждый со своей стороны дали философское обоснование этого оптимистического тезиса. К. Маркс подвел под идею бесконечного прогресса одну из самых глубоких историсофских моделей — модель последовательно восходящих общественно-экономических формаций. Г. Гегель говорил о ступенчатом прогрессе Мирового Духа, а К. Маркс о спиралеобразном развитии материи, преобразуемой трудом человека. Но у обоих авторов исчезли такие «ненаучные» понятия, как повседневные добро и зло. Гегель был слишком восторженным философом и рассматривал эти понятия как высочайшие, а потому бесплотные абстракции, указывая и Богу подчиняться закону прогрессивного возрастания, через оплодотворение Духом избранных цивилизаций. Исторический материализм К. Маркса толкал его к конвертации материального добра в зло и обратно, в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений. От времен Макиавелли до Маркса и далее людские слезы, горе, свобода, радость, высота человеческого духа или низость морального уродства и невинно

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 97.

² Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 465.

пролитая кровь для историка постепенно потеряли всякое значение. А «князья мира сего» где насилуют, а где воспитанием и подкупом нейтрализуют чувство добра и зла, не только у способных профессионалов, но и у рядовых граждан.

Конечно же, неслучайно древние хронисты, ветхозаветные и античные историки, христианские апостолы-историки и историки древнего Китая в большинстве своем мыслили категориями добра и зла и бесстрашно брали на себя роль судей. Они чувствовали, что все, о ком они писали, в том числе и они сами, всегда находились между двух напряженнейших полюсов души.

То, о чем идет речь, рождается вместе с человеком и никогда не умирает в нем. Механизм, составляющий сердцевину каждой души, действует как *моральный закон*. От него невозможно укрыться даже за самой толстой броней равнодушия и kloкочущей справедливостью ненависти. И. Кант тайну этого закона поставил вровень с тайной происхождения необъятной Вселенной: «Две вещи наполняют душу всегда все новым и все более сильным благоговением, — писал он, — чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». И это написал философ, не без основания считавший врожденный антагонизм между людьми благодатным двигателем общественного прогресса. Однако, даже более чем через двести лет после смерти Канта, никто так и не приблизился к пониманию сути морального закона как категорического императива, а не как прекраснотушной проповеди о пользе и вреде абстрактного добра или мелочного зла.

3. Моральный закон есть закон выбора

Все люди, к какой бы культуре или религии они не относились, понимают, что есть добро, а что зло и как они с этих позиций поступили в том или ином жизненном выборе. Примерно так же все знают, что истина есть, но никто не знает: что есть истина? Понимание разницы между добром и злом диктует любой жизненный выбор: это врожденное знание-действие, действие «морального закона во мне», который представляет собой базовый инстинкт человека. Человек единственный из живых существ может волевым усилием подавить в себе практически любые инстинкты и позывы: самосохранения и страха смерти, голода, размножения, агрессии, альтруизма, жадности, эгоизма и т. д. — и этим он отличается от животных. Но сугубо человеческий, осознанный, но все же инстинкт выбора — рационально подавить нельзя. Даже отрешение от мира и его соблазнов в самых крайних формах все равно есть *выбор-действие* — выбор между добром и злом. На историческом материале я пришел к убеждению, что инстинкт выбора — это самый мощный и самый ответственный из всех инстинктов, так как, подавляя или высвобождая все остальные инстинкты и желания, человек выбирает их как добро или зло для себя, для других, для потомков. Инстинкт выбора несет функцию регулятора всей духовной, интел-

лектуальной и физической жизни человека, с момента рождения и до смерти. Он заключен не в том, *что* конкретно выбирает человек, а в том, что сам по себе принцип *выбора* заложен в человека, как обязательный, принудительный механизм. Речь идет о любом выборе, во время которого внутренний анализатор помимо воли оценивает каждый поступок, слово, мысль, жест, маркируя их как события благоприятные или нет — оценивает на пределе человеческой честности (совести). Я заговорил о честности, хотя известно, что нет более лживого и коварного существа, чем человек. История человечества началась (в библейском варианте) с выбора любви, но одновременно и с сознательной лжи и обмана. Чаще всего люди обманывают самих себя. Но кто тот, кому они пытаются лгать или перед кем расклинаются? Для обыденного сознания это «внутренний человек», совесть, для научного — фрейдистское «сверх-Я», для религиозного — присутствие, «дыхание Бога» (Л. Н. Толстой). Разные понятия обозначают одно и то же.

Здесь необходимо вспомнить о том, что во второй половине XIX века Ф. Ницше внес существенное уточнение в формулу Макиавелли: великий человек не только может творить зло во имя утверждения добра, он обязан перешагнуть через то и через другое, обретая божественную свободу подлинного творца. Тем не менее сам Ф. Ницше и его могущественные адепты XX века не смогли ни на йоту выйти за границу, очерченную крайними точками добра и «зла». Моральный закон накладывает непреодолимые ограничения на все наши действия, слова и мысли. Можно убедить себя, что тебе безразлично то, к чему приводят твои поступки, что ради всеобщего блага ты свободен от моральных ограничений, что можно уничтожить какую-то группу людей или целые народы для счастья других, но это иллюзия. Моральный закон на то и закон, что не подчиниться ему нельзя. Неумолимая сила его не в том, что он ограничивает свободу воли человека, а в том, что, будучи абсолютно свободен, человек вынужден выбирать, *понимая*, что он выбирает. Не выбирать нельзя! Не понимать того, что ты выбираешь, ты не можешь! А вот лгать об этом можешь! Всего этого не принял во внимание И. Кант.

С описанной точки зрения история людей есть история постоянного возрастания полюсов, к которым люди, поколение за поколением, во всей полноте приносят свой жизненный опыт. Они делают свой выбор всегда осознанно и свободно, понимая, какого рода лепту и к какому полюсу в данный момент подносят. Отсюда подлинная история людей может трактоваться как история выбора.

Между добром и злом существует диалектическая связь, но это не связь по типу перелива из одного в другое и обратно. Эта связь, к которой стремится добро ради нивелировки, снятия ярости исторического зла. Зло же по мере исторического развития человечества стремится к радикальному отчуждению от добра. По этому поводу современный французский философ Ж. Бодрийяр размыш-

ляет так: «В то время, как Добро предполагает диалектическую связь со Злом, Зло базируется на самом себе, на полной несовместимости с Добром. Зло, таким образом, оказывается хозяином положения. И принцип Зла, господство вечного антагонизма, одерживает триумф»¹. С моей точки зрения, этот триумф всегда временный, по крайней мере до тех пор, пока добро жизни не потеряет способность «обволакивать» персонифицированное зло, удерживая его в общем поле.

4. Сила добра и очарование зла с историософской точки зрения

Как только мы пытаемся рассказать, как в конкретной исторической ситуации то или иное действие, решение или явление воплощаются в светлом или темном секторе морального поля, мы попадаем в тупик. Исторический контекст, в котором совершается выбор, бесконечно изменяет ситуацию, поскольку сам контекст — это часть исторического процесса, и он сам формируется в той же системе моральных координат. Верными или ошибочными были решения Сталина во взаимоотношениях с Гитлером в предвоенные годы, включая подписание «Пакта о ненападении»? Ответ на любой из таких вопросов порождает череду национальных, классовых, конфессиональных или клановых исторических бухгалтерий, которые попеременно предъявляют встречные счета своим контрагентам. Человеческой бухгалтерии добра или зла быть не может, а есть только *понимание* истинно доброго и истинно злого. Счет же ведется мимо нашей воли.

По поводу того, что считать добром, а что злом, высказано огромное количество мнений. Наиболее распространена релятивистская точка зрения, очень удачно сформулированная Л. Н. Толстым, который размышлял так: «Сознавать себя можно определенной формы куском льда и водой. В первом случае солнце — зло, во втором — величайшее благо». *Но мы создаем себя живыми существами, и поэтому для нас абсолютное благо — это жизнь, а зло — то, что ей противостоит.*

Жизнь является самой большой ценностью для людей на Земле, и поэтому общечеловеческое благо, истинное добро есть то, что дает, поддерживает и приумножает жизнь. Для человека жизнь — это единство физической, духовной и интеллектуальной составляющих; все, что развивает и расширяет сферу деятельности.

Истинное зло — это то, что мешает жизни, что причиняет смерть. Не смерть сама по себе есть зло, а именно то, что является ее причиной. Человек, причиняющий страдания или смерть, есть источник и проводник зла. Политика Сталина (и не только его, конечно) объективно способствовала развязыванию второй мировой войны с миллионами убиенных.

В человеческом мире добро не симметрично злу. Две половины единого морального поля не равны ни в количественном, ни в качественном, ни в сущностном отношениях. Жизнь, как высшее проявление

добра, является достоянием всех, поэтому добро растворено во всех людях и присутствует даже в злодеях — как дыхание жизни. Поэтому в процессе исторического развития добро возрастает вместе с ростом жизни и всего того, что обыденно необходимо для ее поддержания и развития. В свою очередь зло персонифицировано, экстраординарно и в отличие от добра не разлито во всем человечестве, а концентрируется в отдельных личностях или группах личностей, которые втягиваются в его орбиту. Поэтому зло, достигая необычайно высокой концентрации в отдельных людях и исполнителях злой воли, все равно не может достигнуть таких масштабов, как добро жизни во всех ее проявлениях, в повседневных заботах, в детях, в труде, а, главное, в любви.

5. Природа культа личности живого Сталина. Очарование злом

Большое зло обладает такого рода очарованием, которое сохраняется на годы, а иногда и на века. Не имея возможности остановиться, даже кратко, на самых мрачных и характерных проявлениях зла в истории человечества, рассмотрим наиболее важную для коллективной жизни людей сферу — на концентрат зла в сфере государственной деятельности, на примере культа личности И. В. Сталина.

Как и большинство людей на Земле, Сталин не был прирожденным злодеем. До тех пор пока он не попал в самый центр советской политической власти, мера зла и мера добра, которой он отмерял свою дореволюционную жизнь, мало отличалась от той, которую позволяли себе люди его круга — семинаристы Духовного училища в Тифлисе, революционеры-подпольщики, потом лидеры большевистской партии, захватившие власть в стране и развязавшие гражданскую войну. Правда, все этапы его жизненного пути сопровождалось творением все большего зла, а революция и гражданская война повязали его, как и всех участников, большой кровью. До середины 1920-х годов мера его добра и зла была примерно равна мере других политических лидеров второго ряда, как со стороны красных, так и со стороны белых. Первый ряд без сомнения занимали Ленин, Троцкий, Колчак, Деникин и другие, втягивавшие значительные массы сограждан в братоубийственную бойню. Личное и по-своему уникальное падение Сталина началось в тот момент, когда волею случая был сделан первый шаг к формированию из заурядной, мало образованной и неразвитой личности одного из самых кровавых в истории человечества диктаторов.

Если во главе партийно-государственного аппарата он оказался в результате интриг внутри Политбюро и практически случайно, то дальнейшие события развивались по классической схеме, которую с теми или иными нюансами использовали все диктаторы мира. Закрывая череду временных союзов с одними партийными группировками против других, он в очень короткие сроки «сосредоточил в своих руках необъятную власть» (как написал Ле-

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 205.

нин в известном «Письме к съезду»). Сталин получил в наследство от ленинского Политбюро систему контроля над обществом нового, особого качества. Помимо обычных управленческих и хозяйственных функций, советская система правления приобрела совершенно новые элементы: государственную партию; особо мощную тайную полицию, способную контролировать чуть ли не каждого гражданина; массовую рабоче-крестьянскую армию, лишённую кастовой чести. Необычность сложившейся системы заключалась ещё и в том, что каждая из этих сил, через взаимное прораствание, контролировали друг друга друг в друга. Партия имела свои ячейки во всех силовых структурах, в армии и госаппарате; спецслужбы имели осведомителей и особые подразделения в армии, партии и госаппарате на всех этапах; армия не только решала задачи внешней обороны и нападения, но и выполняла внутригосударственные карательные функции. И все эти структуры контролировала небольшая группа партийных лидеров, что давало соответствующим органам значительный приоритет перед другими силовиками. К концу 1920-х годов И. В. Сталин лично распоряжался уже не только всей мощью бюрократического аппарата, но и вооружёнными силами, органами госбезопасности и партии. Последнее было особенно важным, так как партия осуществляла не только формирование единой идеологии, но и создавала особый духовный и моральный климат в стране. Кто владел партией, тот владел моралью и чувствами советских людей. Так, без особых усилий, Сталин оседлал красного «дракона о трех головах». Мне достоверно известно, что на первых порах этот лидер искренне предполагал без помех со стороны оппозиции, быстрыми темпами единолично осчастливить советский народ, построив земной рай, то есть «социализм в отдельно взятой стране». Но те мероприятия, которые он при отсутствии государственного таланта насильственно провел (партийные чистки, коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию) стали злой насмешкой над демократическими и социалистическими преобразованиями в развивающемся обществе.

Устраняя своих реальных и мнимых оппонентов, он довольно быстро заболел обычной болезнью диктаторов — страхом за собственную жизнь и опасениями потерять сладость абсолютной власти. Год от года эти страхи нарастали и толкали к усилению репрессий, которые в свою очередь приводили к сгущению атмосферы страха. Гордыня заурядной личности, получившей в свои руки бесконтрольную и необъятную власть, привела к страшнейшей за всю историю человечества социальной катастрофе, которая по своим последствиям сопоставима с фашистской катастрофой А. Гитлера, также очаровавшего немцев обаянием зла.

Свой образ Сталин лично выстраивал сразу в нескольких ракурсах: образ духовный, внешний, а также интеллектуальный портрет. Все три составляющие имели очень мало общего с «первообразом». По сути это были личины, до сих пор заворажива-

ющие многих соотечественников и до сих пор маскирующие подлинную натуру.

Бытовая человеческая гордыня всегда порождает культ: в семье, в небольшом сообществе, в собственной душе. Но люди, внезапно овладевшие необъятной властью, загораются сатанинской гордыней, толкающей их к неукротимому самообожествлению. На протяжении всех тридцати лет правления И. В. Сталин сознательно и планомерно выстраивал культ собственной личности как «гения всех времен и народов». Главными орудиями подобного выстраивания стали ужас и страх, которые лидер навёл на своих собственных сограждан и которые очень быстро парализовали всякие призывы к сопротивлению. Ужас внушался грубо сфальсифицированными «открытыми» политическими процессами, массовыми расстрелами по приговорам внесудебных органов, «разнарядками» на массовые аресты и репрессии, спускаемыми с самого верха. По самым скромным подсчётам сталинских чекистов, за годы его правления было казнено более 3,3 млн человек. Страх, пропитавший всю общественную жизнь, превращал людей в массовых истериков, мазохистов и доносителей, все более и более влюблявшихся в своего «вождя и учителя». К концу правления Сталина культ его личности подпитывался уже не только голым ужасом и страхом, а выставившими из них суррогатными «любовью» и «уважением». Образ нового Ивана Грозного поднялся из преисподней, наполняя души народов СССР ликующим восторгом. Кульминация восторга совпала с победой в Отечественной войне, потери от которой затмили страдания и ужас репрессий.

Однако очарование злом вскармливалось и другими средствами, из которых наиболее важными были прельщение особым идеальным образом личности и картинами будущего коммунистического общества.

Все годы диктаторства Сталин с помощью фотографов, живописцев, скульпторов создавал череду своих изображений, грубо приукрашивающих реальный образ. Народы СССР стали «видеть» своего генералиссимуса крепко сбитым, стройным, высоколобым седовласым красавцем, без ярко выраженных национальных черт. Этот образ настолько впечатался в сознание людей благодаря массовым средствам информации, что многие и до нашего времени представляют «маршала Сталина» именно таким. Даже сохранившиеся кино- и фотохроники не способны повлиять на очарованное воображение современников вождя и их многочисленных потомков.

Свой интеллектуальный портрет, в образе «гения всех времен и народов» (один из официальных прижизненных титулов), И. В. Сталин ваял прямым вмешательством почти во все научные дисциплины, систематически проводя кампании по выработке «марксистского», а на самом деле сталинистского направления в той или иной науке. Физика, биология, лингвистика, математика, философия, генетика, растениеводство, история — вот далеко не исчерпывающий перечень наук, в развитие которых го-

сударственный лидер вмешивался лично. Особенно впечатляющая работа была проделана в области исторической науки. Сталин переписал под себя всю историю России—СССР, историю зарубежных стран, историю ВКП(б), историю большевиков Закавказья, а главное, свою биографию. В этой системе вся предыдущая история человечества, история России, Грузии, партии превратились всего лишь в подготовительные этапы, в подножье для величественной, невиданной в истории человечества фигуры советского вождя. Уродливая и лживая сталинская историософская модель с небольшими корректировками до сих пор воспроизводится в умах соотечественников.

6. Культ мертвой личности и его угасание

Любить и уважать образы покойников и возводить их в культ — совершенно разные вещи. Культ мертвого Сталина вызрел не из прижизненного культа и уж тем более не из любви и уважения к его делам. Посмертный культ личности этого государственного деятеля пережил периоды подъема и спада. Он то приходил в упадок, то возрастал, но всегда под воздействием двух факторов — тайны и пропаганды. После смерти кумира его культ продолжал жить механической жизнью еще три года. В этом были заинтересованы политические наследники Сталина, тщательно скрывавшие его преступления. После «разоблачения» в 1956 году одна из сталинских масок, скрывавшая масштабы репрессий, была приподнята. И если при жизни Сталина жертвы и палачи перманентно менялись местами, что поддерживало в обществе высокий уровень единодушной «любви» к вождю и всеобщей ненависти к «врагам», то после XX съезда общество естественным путем разделилось на антисталинистов и сталинистов. Тайна сталинской власти как власти беспредельного зла была публично приоткрыта и по воле тогдашних руководителей стала частью официальной пропаганды. При Л. И. Брежневе произошла смена курса и сталинистские настроения в части общества начали оживать, одновременно встречая глухое противодействие другой его части. При М. С. Горбачеве ситуация вновь изменилась: были раскрыты многочисленные архивные документы, стали известны механизмы репрессий, были реабилитированы многие имена — в общественном настроении возобладали антисталинистские тенденции. Очередной поворот начался с 2003 году. Про-

водниками современного суррогата сталинизма стали наиболее сохранившиеся структуры советского прошлого, то есть спецслужбы и специалисты в области пиартехнологий. Коммунистическая партия и Советская Армия не смогли пережить перестроечные годы, а структуры, заменившие их, пока не эффективны. Под влиянием основных пропагандистских каналов, образ Сталина вновь стал возвышаться в массовом общественном сознании, воскрешая глубоко лживую мифостофелевскую формулу о зле, творящем добро людям и победы стране. Накануне очередного поворота к антисталинизму мы находимся и сейчас.

Развитие культа мертвой личности Сталина хорошо иллюстрирует диалектику добра и зла в исторической перспективе, когда чередой разоблачений и воскрешений ведет к постепенному снижению в общественном организме концентрации токсинов зла. Когда наступит время катарсиса, разрядки напряжения, вызванного трагедиями сталинской эпохи, — наступит новое время, и большинство россиян будет относиться к Сталину примерно так же, как сейчас относится к хану Батюю или Ивану Грозному — с любопытством, но и только. Ни подлинной любви, ни злобы.

Сущность добра — это источник жизни и сама жизнь. Жизнь на Земле разрастается качественно и количественно: развивается общечеловеческая цивилизация, которая все в большей степени способна поддерживать рост рождаемости, продолжительности жизни, уровень благосостояния, интеллект, взаимопонимание и т. д. Экспансия жизни рано или поздно преодолеет границы Земли со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но исторические провалы и пропасти зла, выкопанные Сталиным, Гитлером, Мао, Чингисханом, Цезарем и другими, еще не раз углубятся очередными вождями и фюрерами в непредсказуемое время, в неизвестной стране или на другой планете. Так в исторической перспективе будет расти расстояние между двумя полюсами, но диалектическая связь между ними сохранится еще очень долго. Это позволит добру в диалоге раз за разом, цикл за циклом постепенно гасить гнучесть жала зла и тем снимать перенапряжение между полюсами, ведущее к всеобщей катастрофе. Диалог, Слово это единственное средство, способное восстановить равновесие. Когда диалог живой жизни с мертвым прошлым станет невозможным — наступит миг окончательного разрыва.